

Л. А. Тимошина

## «ПОСАДСКОЕ СТРОЕНИЕ» В КОСТРОМЕ В 1649—1652 гг.

Посадское строение 1649—1652 гг. явилось важной вехой в борьбе черных тяглых людей за приписку к посадам населения белых слобод, принадлежавших крупным светским и церковным феодалам, за возвращение в посадское тягло беглых посадских людей-закладчиков.

В общем виде вопросы посадской реформы затрагивались в ряде работ дореволюционных исследователей русского города. Но в основном они ограничивались пересказом XIX главы Соборного Уложения, и лишь Н. Д. Шаховская, сравнивая деятельность приказа Сыских дел в 1638—1645 гг. с посадским строением 1649—1652 гг., отметила особенность последнего, состоявшую в том, что правительство «отказалось от возвращения каждой отдельной тяглою общине именно ее тяглецов, перейдя к более общей задаче — пополнению тяглового состава»<sup>1</sup>.

В советской литературе проблема посадского строения была освещена в фундаментальном исследовании П. П. Смирнова, где он на огромном фактическом материале рассмотрел деятельность приказа Сыских дел 1648—1652 гг. и дал общий обзор посадского строения в различных областях Русского государства. Ему же принадлежит историко-коведческая статья о строельных книгах, оставшихся от деятельности приказа Сыских дел<sup>2</sup>. Впоследствии в советской исторической литературе были отмечены и подвергались критике некоторые ошибочные положения концепции П. П. Смирнова. В частности, справедливо отмечалось преувеличение им роли посадского строения для дальнейшего развития городов во второй половине XVII в. для формирования всероссийского рынка<sup>3</sup>.

В 60—80-е годы появились статьи и монографии, в которых проблема борьбы посадов с беломестцами в XVII в. получила дальнейшее развитие. На основе анализа XIX главы Соборного Уложения были освещены принципы приписки белых слобод и сыска закладчиков, а также рассматривался ход борьбы за осуществление реформы в некоторых городах<sup>4</sup>. Но реформа и ее последствия рассматривались применительно к очень малому числу городов, поэтому необходимо ее дальнейшее изучение.

<sup>1</sup> Плошинский А. О. Городское или среднее состояние русского народа в его историческом развитии от начала России до новейших времен. Спб., 1852, с. 107—113; Пригара А. П. Опыт истории состояния городских обывателей в Восточной России. Спб., 1868, с. 82—93; Дитятин И. И. Устройство и управление городов России, т. 1. Спб., 1875, и др.

<sup>2</sup> См.: Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века, т. 1—2. М.—Л., 1947—1948; Он же. Книги строельные. — В кн.: Тр. Московского историко-архивного ин-та, т. 2. М., 1946.

<sup>3</sup> См.: Бахрушин С. В. Научные труды, т. 2. М., 1954; Хорошкевич А. Л. Основные итоги изучения городов XI — первой половины XVII в. — В кн.: Города феодальной России. М., 1966; Дубровский А. М. П. П. Смирнов — историк городов феодальной России. — В кн.: Русский город, вып. 6. М., 1983.

<sup>4</sup> См.: Маньков А. Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII в. М.—Л., 1962; Он же. Уложение 1649 года — кодекс феодального права России. Л., 1980; Орехов А. М. Из истории борьбы нижегородского посада против беломестцев. — В кн.: Города феодальной России; Соловьева Т. Б. Городские владения патриаршего дома и борьба за них с посадом в России XVII в. — В кн.: Русский город, вып. 6.

Посадское строение Костромы и ее пригородов в исторической литературе исследованы крайне недостаточно. П. П. Смирнов остановился лишь на борьбе костромского посада за слободки с патриархом и монастырями. Т. Б. Соловьева показала результаты посадской реформы в отношении владений патриаршего дома в Костроме. В общих работах по истории Костромы обычно только кратко сообщается об увеличении посада за счет приписки частновладельческих слобод, причем нередко допускаются фактические ошибки<sup>5</sup>.

Основой для характеристики посадской реформы послужила строгая книга Костромы 1649 г., составленная посланным в Кострому сыщиком приказа Сыских дел Д. Волинским и подьячим Г. Горяновым, реконструированная на основании списка XVIII в. с подлинной дозорной книги Костромы 1664—1665 гг.<sup>6</sup> Дозорная книга составлялась по челобитью посадских людей посланных из Москвы из приказа Костромской четверти князем И. П. Вяземским. Поводом для ее составления послужило моровое поветрие 1655 г., в результате которого в Костроме вымерло почти две трети всех посадских жителей. Данные переписной книги 1646 г. перестали соответствовать действительности и необходимо было заново выяснить «кто с чево по мирскому окладу... подати и оброк дает, и какими кто торговыми промыслами промышляет, и ремесленных людей, и каковы кто пожитком»<sup>7</sup>. И. П. Вяземский переписал как живущие и пустые двory на посаде, так и беломестные двory, «которые меж посадских людей монастырские и церковные земли, и монастырских же и, церковных причетников и дворянские и детей боярских и вяких чинов людей беломестцов двory»<sup>8</sup>.

По структуре дозорная книга 1664—1665 гг. делится на описание дворов черных тяглых людей дворов бестяглых людей, вдов и недорослей, которые «платят оброк в стол, а за скудость положить в тягло не довелось», дворов нищих и увечных, дворов, в которых живут после морового поветрия «пришлые» люди, и пустых дворов, все жители которых умерли в моровое поветрие 1655 г. В описание двора входили сведения об имени дворовладельца, его социальном положении, родственниках и соседях, занятиях, отмечалось, кому принадлежал данный двор по писцовой книге 1627—1628 гг. и переписной книге 1646 г. Специально оговаривалась приписка двора к посаду в 1649 г. («по выводу Дмитрия Волинского да подъячево Григороя Горянова 157-го году взят в посад по торгу и промыслам»)<sup>9</sup>. Особо выделены отписанные Д. Волинским слободки Троице-Сергиева, Чудова и Настасьина девичьего монастырей и взятые с осадных дворов светских феодалов дворники. Таким образом, сведения, находящиеся в дозорной книге 1664—1665 гг., позволяют выявить приписанные к посаду в 1649 г. частновладельческие двory, взятых «по торгу и промыслам» соседей и дворников, определить количество людей, проживавших на новоприписных дворах, их занятия, места, отведенные им под «дворовое строение», узнать источники отчуждения дворов. Все вместе взятое и позволяет восстановить строельную книгу Костромы 1649 г.

При реконструкции книги неизбежно встает вопрос о точности, достоверности и полноте полученных таким путем данных. По наказу,

<sup>5</sup> Так, посланный из приказа Сыских дел сыщик Д. Волинский назван костромским воеводой, а патриаршая Никольская слобода приписана Ипатьевскому монастырю (Кострома. Краткий исторический очерк. Ярославль, 1978, с. 17).

<sup>6</sup> ЦГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 1123, л. 1—434.

<sup>7</sup> Там же, л. 2 об. — 3.

<sup>8</sup> Там же, л. 1 об.

<sup>9</sup> Там же, л. 2 об. — 327.

который И. П. Вяземский получил от приказа Костромской четверти, выясняется, что там оговаривалась необходимость «сыскивать накрепко» про бывшие белые дворы и сверить полученные путем устного опроса сведения со строельными книгами. Имел ли дозорщик строельные книги под рукой в самой Костроме или он воспользовался ими, уже вернувшись в Москву, неизвестно. Но очевидно одно: при описании новоприписных дворов Вяземский опирался на подлинные строельные книги Костромы. Это убедительно доказывают заголовки отдельных разделов дозорной книги: «По строельной книге Дмитрея Волынского да Григоря Горянинова 157-го году новоприписные тяглецы взяты в посад из Чудовской слободки Чудова монастыря» или «По строельной книге Дмитрея Волынского в разных сотнях с церковной и тяглою земли, которые люди по торгу и промыслу взяты были в посад у посадских и всяких чинов людей из соседей»<sup>10</sup>.

Содержание строельных книг можно условно разделить на три части. В первую часть входит перечисление новоприписных людей и их дворов с указанием, из-за кого они выведены, во второй указаны лавки, амбары, кузницы, варницы, взятые у беломестцев и переданные тяглым людям, и в третьей описываются посадские выгоны<sup>11</sup>. Дозорная книга 1664—1665 гг. позволяет восстановить первую часть строельной книги Костромы, так как там представлены сведения о приписанных к посаду людях и их дворах, о их бывших владельцах, но данных о передаче лавок и ремесленных заведений нет. К сожалению, отсутствуют и материалы об отмежевании выгонных земель вокруг Костромы, что специально оговорено в самой дозорной книге: «А которые посадские люди мельничные места и пашенные земли и жани и сенные покосы... и того в сей дозорной книге не написано, потому что межи и грани... в споре Богоявленского монастыря с игуменом Герасимом неразделены»<sup>12</sup>. Однако, несмотря на относительную неполноту, сведения восстановленной строельной книги можно признать достаточно точными и достоверными, а в целом они дают возможность осветить конкретный ход посадского строения в Костроме в 1649 г. В качестве дополнения к материалам строельной книги в статье использованы выписки из сохранившейся переписной книги 1646 г., переписная книга 1678 г., грамоты из приказа Сыских дел в Кострому, жалованные грамоты костромским монастырям и патриархам на слободки вокруг Костромы. Эти материалы дают сведения о складывании белого землевладения вокруг костромского посада, величине общих владений беломестцев, об упорной борьбе тяглых людей за белые слободы.

В середине XVII в. Кострома была вторым по числу дворов городом среди городов восточной половины Замосковья. На некотором расстоянии от города находились 6 костромских пригородов: Буй, Кады, Любим, Нерехта, Соль Большая, Судиславль. Посад Соль Малая, который иногда причисляют к костромским пригородам, по переписной книге 1646 г. Костромского уезда принадлежал дьяку Давыду Дерябину<sup>13</sup>. В середине XVII в., перед началом посадского строения, на костромском посаде было 1726 дворов; в самом большом пригороде, Любиме, на посаде насчитывалось 235 дворов, в Нерехте — 173, в Соли Большой — 142, в Буге — 69, в Кадые — 52 и в Судиславле — 31 двор.

Посадское строение на Костроме и в пригородах происходило, как и в других городах восточной половины Замосковья, весной и летом

<sup>10</sup> Там же, л. 1 об., 300 об., 312.

<sup>11</sup> См.: Смирнов П. П. Посадские люди..., т. 2, с. 384.

<sup>12</sup> ЦГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 1123, л. 1 об.

<sup>13</sup> Там же, кн. 10980, ч. 2, л. 1503—1508.

1649 г. К началу 1650 г., когда развернулась борьба вокруг монастырских и патриарших слобод, строение было закончено и строельные книги составлены. Кострому и ее пригороды «строил» посланный из приказа Сыскных дел сыщик Д. Волинский и подьячий Г. Горяинов. Никаких подробностей о проведении сыска в Костроме и пригородах не сохранилось. Скорее всего, Д. Волинский действовал в том же порядке, что и сыщики в других городах. Отправной точкой для сыска служили росписи, составленные посадскими людьми. Такая роспись упоминается и по Костроме («роспись костромич посадских людей, какову они подали на Костроме Дмитрею Волинскому да подьячему Григорею Горяинову»). Она и легла, очевидно, в основу строельной книги.

Всего по восстановленной строельной книге посад Костромы увеличился на 357 дворов и 598 человек мужского пола. Посадское строение затронуло следующие группы городского населения: светских феодалов, духовенство белое и черное, включая патриарха, «разных чинов людей», т. е. записанных в посад жителей города, занимавшихся ремеслами и торговлей и живших в «соседех» у посадских людей или отставных ямщиков и бобылей из Ямской слободы (табл.). На первом

**Итоги посадского строения 1649 г. в Костроме\***

Группа населения	Количество людей, взятых в посад	Процент к общему числу
Светские феодалы . . . . .	108	18,1
Монастыри . . . . .	312	52,0
Церкви . . . . .	71	11,9
Владения патриаршего дома: . . . . .	30	5,0
Десятильничий двор . . . . .	9	—
Никольская слободка . . . . .	13	—
Новинский монастырь . . . . .	5	—
Дворцовое село Сидоровское . . . . .	1	0,2
«Разных чинов люди» . . . . .	64	10,1
Не указано . . . . .	12	2,7
<b>Всего . . . . .</b>	<b>598</b>	<b>100,0</b>

\* ЦГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 1123, л. 9—327 об.

месте по числу приписанных людей стоят монастыри. Часть монастырей — Ипатьевский, Богоявленский, Настасьин и Спасо-Подвизный — была расположена непосредственно в Костроме или рядом с городом. Два монастыря, Спасо-Геннадиев и Игрицкий, находились в Костромском уезде, а самыми дальними были Троице-Сергиев и Чудов монастыри. Все названные монастыри имели в Старом и Новом городе и на посаде дворы «на приезд» с находившимися в них дворниками. Пять монастырей владели слободками. У Ипатьевского монастыря были подмонастырские Богословская и Спасская слободки, у Богоявленского — подмонастырские Пищальная и Андреевская, у Настасьина — Гашеева, у Троице-Сергиева — Полянская и у Чудова — Чудовская слободка. Посад был как бы окружен белыми слободками, население которых — монастырские служки, бобыли, детеныши, крестьяне — занималось ремеслом и торговлей и составляли серьезную конкуренцию посадским людям. В 1649 г. все перечисленные монастыри потеряли дворы или людей, но размеры их потерь были чрезвычайно разнообразны.

В результате посадского строения на Костроме больше всех пострадал Троице-Сергиев монастырь, который потерял Полянскую сло-

бодку с 63 дворами, где проживало 129 мужчин, и 2 дворников с двух осадных дворов в костромском Кремле. Полянская слободка, возникнув в 1578—1579 гг. в результате пожалования Троице-Сергиеву монастырю костромского пушкаря Григория Полянского, просуществовала на Костроме 70 лет. Как свидетельствуют материалы сыска 1639—1641 гг., костромские посадские люди и раньше пытались вернуть в посад из Полянской слободы заложившихся за Троице-Сергиев монастырь людей; тогда спор был решен в пользу монастыря. Но через десять лет победу одержал посад.

Настасьин девичий монастырь потерял Гашееву слободку, старинную вотчину, числившуюся за ним уже по писцовым книгам 1595/96—1597/98 гг. Д. Волинский отписал в посад 55 дворов Гашеевой слободки с мужским населением 121 человек; попали в посад и 3 дворника с осадного двора в Кремле.

У московского Чудова монастыря была отписана в посад Чудовская слободка. В ней находились 18 дворов и 40 бобылей.

По одному дворнику было взято с осадных дворов и дворов «на приезд» Спасо-Геннадиева, Игрицкого и Спасо-Подвизного монастырей. Два двора монастырских служек и двух дворников с осадного двора забрали у костромского Воскресенского монастыря<sup>14</sup>.

Интересно отметить, что Троице-Сергиев, Чудов, Настасьин и другие монастыри лишились дворов и людей довольно спокойно, в документах нет ни одного упоминания о борьбе этих монастырей с посадом за возвращение слободок. Можно предположить, что эти монастыри получили, согласно Соборному Уложению, такую компенсацию «в ином месте из... государевых сел», которая их вполне устроила.

Совершенно иначе проходил процесс приписки к посаду владений Ипатьевского и Богоявленского монастырей. Между посадом и монастырями разгорелась ожесточенная борьба, окончившаяся поражением черных людей. В 1649 г. Д. Волинский по росписи посадских людей взял в посад подмонастырскую и заволжскую слободки Ипатьевского монастыря, пожалованные ему в 1585 г. царем Федором Ивановичем как вклад по душе родителей его жены, царицы Ирины<sup>15</sup>. На долгие годы эти слободки, особенно Богословская, стали главным объектом притязаний посадских жителей. Первый конфликт и первые попытки черных людей заставить жителей Богословской слободки платить посадские подати относятся к 1614 г. Конечно, в 1614 г., менее чем через год после того, как Ипатьевский монастырь был временной резиденцией Михаила Романова, царь не мог пойти навстречу монастырским властям. В Кострому была послана грамота с твердым и категорическим предписанием, чтобы Богословскую слободку «к посаду ни в какое тягло притягивать и посадским людям вступатися в нее ни во што не велети и дела им до тое слободки нет». Спор повторился в 1639—1641 гг., но и на этот раз посад ничего не добился.

В 1646 г. в Богословской слободке было 228 дворов монастырских служек, стрельцов, конюхов, бобылей и крестьян. Рядом с посадом вырос как бы небольшой городок, обогнавший по количеству дворов почти все костромские пригороды. Жители слободки пользовались выгодами географического положения города, обширным костромским торгом, связями Костромы с другими городами и при этом имели серьезное преимущество перед посадскими людьми — не несли посадского тягла. Вторая слободка Ипатьевского монастыря, Спасская, находилась на

<sup>14</sup> Там же, ф. 1209, оп. 1, кн. 1123, л. 308 об., 326 об., 327.

<sup>15</sup> ЦГАДА, ф. 281, оп. 4, № 5270, л. 1—2; № 5124, л. 1.

против Костромы, за Волгой, в нагорной половине Костромского уезда и по размерам значительно уступала Богословской. По переписи 1646 г. в слободке стояли монастырский двор «на приезд» с 3 дворниками и 41 двор бобылей и крестьян, общая численность мужского населения составляла 96 человек.

В 1649 г., когда Д. Вольнский отписал к посаду «торговых и промышленных и ремесленных и работных (людей) и с теми, которые ходят по миру... да монастырских служек и служебников и конюхов и стрельцов», костромской посад только за счет слободок Ипатьевского монастыря увеличился более чем на 260 дворов<sup>16</sup>. Значительно пополнились ряды торгово-ремесленного населения посада за счет монастырских «купчин» и ремесленников. По подсчету П. П. Смирнова, первоначально у Ипатьевского монастыря забрали 270 дворов. Сразу же встают два вопроса: во-первых, каким образом количество дворов в Спасской слободе увеличилось за три года (с 1646 по 1649 г.) с 41 до 185 дворов и, во-вторых, почему из 228 дворов Богословской слободки в посад попало только 84 двора?

Поскольку П. П. Смирнов опирался на грамоту 18 февраля 1650 г., посланную в Кострому из приказа Сыскных дел, можно предположить, что данные о монастырских слободках по переписной книге 1646 г. ему известны не были. Между тем при анализе грамоты выясняется, что отписанные у монастыря дворы перечислены не по слободкам, а по словесным группам и занятиям дворовладельцев. Сначала идут дворы церковные — 1 двор в Спасской слободке и 2 двора в Богословской, затем указано, что «в тех же слободах», т. е. и в Богословской и в Спасской, взято 185 дворов торговых и ремесленных людей; 82 двора служек, конюхов и стрельцов приписано к посаду только из Богословской слободки, так как в Спасской таких дворов не было. В результате из данных переписной книги 1646 г. и при учете особенностей грамоты 1650 г. получается, что Спасская слободка была приписана к посаду в количестве 42 дворов, а Богословская — 228, причем 144 двора принадлежало торгово-ремесленным людям<sup>17</sup>.

Власти Ипатьевского монастыря не могли примириться с конфискацией слободок, и архимандрит Гермоген в конце 1649 г. или самом начале 1650 г. подал челобитную с жалобой на действия Д. Вольнского. Началась борьба за слободки. Интересно отметить, что для подтверждения своих прав, доказывая принадлежность Богословской и Спасской слободок не к Костроме, а к Костромскому уезду, власти монастыря ссылались на писцовые книги 1627—1628 гг. На самом же деле переписчик И. Бутурлин уже тогда записал Ипатьевский монастырь и его слободки в состав Костромы, а не уезда, указав, что Ипатьевский монастырь находится «по конец посаду, за рекою Костромою»<sup>18</sup>. Слободки монастыря, действительно, не имели общих границ с посадом, дворы с дворами «не сошлись», но близость их к костромскому посаду была очевидна и согласно Сборному Уложению обе слободки подлежали тому, чтобы их «устроить к посадом податями и службами». Но приказ Сыскных дел признал монастырские власти правыми. Боярская дума приговором 8 февраля 1650 г. вернула Ипатьевскому монастырю обе слободки, мотивировав свое решение тем, что «те слободки розошли реки большие Волга и Кострома», монастырские торговые и ремесленные крестьяне должны были лишь продать посадским людям

<sup>16</sup> Там же, № 5270, л. 1.

<sup>17</sup> ЦГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 10980, ч. 1, л. 84—88; ф. 281, оп. 4, № 5349, л. 1—15 об., 214—217.

<sup>18</sup> ЦГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 1113, л. 223—226 об.

имевшиеся у них в самой Костроме лавки, амбары и ремесленные заведения<sup>19</sup>. Кроме слободок Ипатьевский монастырь имел в Костроме два осадных двора, откуда в посад были взяты два дворника. Они и составили все потери монастыря во время посадского строения.

Из двух слободок Богоявленского монастыря первая слободка, Пищальная, полученная им по жалованной грамоте 1621 г., считалась подмонастырской. Она была расположена за посадом «к убогому дому» и граничила с Полянской слободой Троице-Сергиева монастыря. Селились в ней монастырские детеныши. Вторая слободка, Андреевская, числившаяся за монастырем с 1609 г., стояла «на реке Костроме, на Ипацкой стороне» в 2 верстах от города<sup>20</sup>.

В 1649 г. перед Д. Волыньским неизбежно встал вопрос о приписке слобод Богоявленского монастыря к посаду, что и было сделано. К сожалению, все материалы о присоединении богоявленских слободок пропали. Сохранился лишь уже упоминавшийся приговор боярской думы 8 февраля 1650 г., где, наряду с решением о патриаршей Никольской слободе и слободках Ипатьевского монастыря, содержится приговор о богоявленских слободках<sup>21</sup>. Судя по этому документу, игумен Герасим подал в приказ Сыскных дел челобитную с просьбой вернуть слободки, ссылаясь, как и власти Ипатьевского монастыря, на их удаленность от посада. Решением Боярской Думы Пищальная и Андреевская слободки были возвращены Богоявленскому монастырю. П. П. Смирнов отметил принципиальную важность приговора 8 февраля о слободах костромских монастырей. Во-первых, монастыри, находившиеся на посаде, получили право владеть подмонастырскими слободами, но не должны были держать на них торговых и ремесленных людей; во-вторых, слободы, отделенные от посада рекой, а не сухопутной межей, отчуждению не подлежали<sup>22</sup>.

Андреевская слободка была возвращена Богоявленскому монастырю как находящаяся за рекой Костромой и тем самым отделенная от посада. П. П. Смирнов, анализируя приговор 8 февраля, не обратил внимания на эту слободку и считал, что Д. Волыньский забрал у Богоявленского монастыря только одну, подмонастырскую, слободку<sup>23</sup>. Богоявленский монастырь, как и Ипатьевский, понес во время посадской реформы минимальные потери.

Довольно значительно пострадали во время посадского строения костромские церкви. Их владениям был нанесен довольно серьезный урон, но окончательно белое церковное землевладение ликвидировано не было. В 1664—1665 гг. на черной тяглой земле стояло 18 белых церковных дворов, причем известно, что 8 дворов принадлежали соборным сторожам, в 1649 г. взятым в тягло, но потом возвращенным собору по грамоте царя Алексея Михайловича<sup>24</sup>.

В результате посадской реформы части владений лишился патриарх. С Десятильничьего патриаршего двора в Костроме к посаду было приписано 7 дворов. Такая же цифра приводится и Т. Б. Соловьевой<sup>25</sup>. Совпадение полученных на основе разных источников цифр лишний раз доказывает достоверность данных восстановленной строельной книги.

<sup>19</sup> ЦГАДА, ф. 281, оп. 4, № 5270, л. 3, 4.

<sup>20</sup> ЦГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 1113, л. 202—223; Баженов И. Костромской Богоявленско-Анастасинский монастырь. Исторический очерк. Кострома, 1895, с. 31.

<sup>21</sup> См.: Смирнов П. П. Посадские люди..., т. 2, с. 658, 659.

<sup>22</sup> Там же, с. 653, 654, 656, 657.

<sup>23</sup> Там же, с. 561.

<sup>24</sup> ЦГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 1123, л. 405—420 об.

<sup>25</sup> Там же, л. 36, 119 об., 122; Соловьева Т. Б. Указ. соч., с. 63, 66.

Упорная борьба развернулась между патриархом и костромскими черными людьми за заводскую патриаршую слободу Никольскую. Она была отписана к посаду Д. Волынским по «росписи костромич посадских людей». Ход борьбы и конечная победа патриарха Иосифа уже описывались в советской исторической литературе. В борьбе с патриархом за приписку к посаду патриарших городских владений и Никольской слободки черные люди добились лишь частичного успеха — Никольская слободка почти целиком осталась за патриархом.

Значительные потери в результате посадского строения в Костроме понесли светские феодалы. Ни в самой Костроме, ни около города не было слобод, принадлежавших светским землевладельцам, но в Старом и в Новом городе светские вотчинники и помещики владели 66 осадными дворами. Всего с осадных дворов «по торгу и промыслам» было взято в посад 108 человек дворников и их родственников.

Следующим объектом посадской реформы стали «разных чинов люди», которые, в отличие от населения монастырских и патриаршей слободок и дворов церковных и светских феодалов, до вывода в посад не были феодально зависимыми людьми. Их можно разделить на две группы: одни жили в «соседях» у посадских людей, другие имели свои дворы, преимущественно в Ямской слободе. Всего с дворов посадских людей было выведено 50 человек, без учета малолетних детей.

Трудно сказать что-либо определенное о судьбе дворов гостей, членов гостиной и суконной сотен, находившихся на костромском посаде, а также их лавок и амбаров. По выписям из переписной книги 1646 г. на костромском посаде имели дворы гости Иван Второй Озеров, члены гостиной сотни Абрам Сырейщик, Михаил Андреевич Могутов, Иван Федорович Железной и вдова гостиной сотни Кирила Катеринина. По дозорной книге 1664—1665 гг. на посаде сохранился двор сына М. А. Могутова Матвея, двор вдовы К. Катеринина перешел к лучшему посадскому человеку В. Е. Исакову, остальные дворы отмечены как пустые<sup>26</sup>. Причины запустения по дозорной книге установить не удастся, но наличие двора Могутовых позволяет констатировать, что члены привилегированных корпораций продолжали сохранять дворы на посаде.

В Костроме взятые из-за посадских людей соседи составили 8,5% от всех новоприписных тяглецов, а в среднем по замосковным городам восточной половины, по подсчету П. П. Смирнова, посадские люди вместе с черными и дворцовыми крестьянами дали всего лишь 4,3% всех приписанных к посаду. Следовательно, костромской посад пополнился в значительно большей степени, чем посады других городов, за счет распространения посадского тягла на ранее свободных людей.

Вторую группу «разных чинов людей» составили отставные ямщики и бобыли, жившие в Ямской слободе. Ямщики имели огороды, сады, пашню, они могли в известной мере освободиться от гоньбы путем складничества и заниматься ремеслом и торговлей. В 1649 г. из костромского яма в посад было взято 11 дворов отставных ямщиков и бобылей, «которые ремесленные люди».

Наконец, в посад перешли 12 человек, принадлежность которых до посадского строения неизвестна. В эту группу могли войти соседи, взятые из дворов записных ремесленников, каменщиков и кирпичников и рыбных ловцов, живших в Костроме «на белой и на черной тяглою земле в розных местех»<sup>27</sup>.

<sup>26</sup> ЦГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 1123, л. 3, 9, 10, 211, 243 об.

<sup>27</sup> Там же, л. 326 об., 423 об. — 426.



На этом вывод в костромской посад закончился. Часть новоприписных тяглецов была переведена в посад вместе с дворами, всего 229 дворов. Всех остальных выведенных людей необходимо было разместить и отвести им землю «на дворовую постройку». Д. Волинский справился со своей задачей весьма успешно. Нововыводные тяглецы были поселены в конце Никольской и Ивановской улиц и рядом с Гашеевой слободкой на вологодской дороге, т. е. в северо-восточном районе Костромы, там, где территория города не была ограничена реками Волгой и Костромой и Сульским оврагом. В Покровской улице на посаде Д. Волинский разделил под дворы нововыводным людям приписанный к посаду двор «протопопа з братьею»<sup>28</sup>. В результате посадской реформы на новые места было выведено 128 дворов. Но 36 человек места под двор не получили, они остались жить на тех же дворах, что и раньше, но стали нести тягло с посадскими людьми.

Наряду с Костромой Д. Волинский «строил» и костромские пригороды. В результате посадской реформы Буй увеличился на 4 двора, Кадый — на 15, Любим — на 8, Нерехта — на 49, Соль Большая — на 11 и Судиславль — на 5 дворов<sup>29</sup>. Строельные книги по пригородам не сохранились, и источники отчуждения дворов неизвестны, можно высказать лишь некоторые предположения. По данным переписной книги Костромского уезда 1646 г., намечаются два основных источника пополнения дворов в пригородах. Первый — сыск и возвращение людей, заложившихся за светских и церковных феодалов. Жители пригородов бежали в вотчины Троице-Сергиева, Симонова монастырей, жили в вотчинах Г. И. Морозова, Ф. Ф. Волконского, М. М. Салтыкова, дьяков И. Гавренева и А. Дурова в Костромском, Галицком и Вологодском уездах. Второй — приписка к пригородам церковных беломестных дворов, находившихся на их территории. В Кадые на церковной земле стояло 5 дворов бывших посадских людей, дававших «оброк со 154-го году Словенские пустыни строителю Герасиму», Троице-Сергиев монастырь имел слободку в Нерехте. Возможно, из-за приписки троицкой слободки в посад Нерехты попало больше всего дворов<sup>30</sup>.

Завершая рассмотрение хода посадского строения в Костроме и ее пригородах, можно сделать следующие выводы. В результате приписки беломестцев численность дворов на костромском посаде возросла на 20%, увеличилось количество посадских людей в пригородах. После 1649 г. произошло некоторое расширение и определение территории Костромы — город вырос в северо-восточном направлении. Значительно пополнились ряды посадских людей за счет приписки «по торгу и промыслам» населения белых слобод, дворников и соседей. В посад были взяты представители 31 ремесленной специальности, почти одна треть ремесленников занималась обработкой кожи и изготовлением изделий из нее, часть ремесленников обрабатывала металлы, существенно увеличилась группа костромских иконописцев, расцвет деятельности которых приходится на вторую половину XVII в. Ряды костромских купцов пополнились новыми торговыми людьми, занимавшимися продажей сырья, холстов, скота. В целом посадская реформа способствовала дальнейшему росту ремесленного производства, углублению и расширению процесса специализации Костромы. Особенностью проведения посадской реформы в Костроме был относительно высокий процент пополнения рядов черных тяглых людей за счет записи в тягло лиц, ранее свободных: соседи посадских людей, отстав-

<sup>28</sup> Там же, л. 250 об., 312—327.

<sup>29</sup> ЦГАДА, ф. 141, 1649—1651, № 62, л. 65—67; 1653, № 73, л. 61.

<sup>30</sup> ЦГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 10981, л. 981—997; кн. 210, л. 1418.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО  
МОСКОВСКОГО  
УНИВЕРСИТЕТА**

ные ямщики и ямские бобыли. Приток в город нетяглового населения и увеличение числа тяглецов способствовали укреплению посада Костромы.

Как показывает строельная книга, в результате посадской реформы были ликвидированы слободки ряда монастырей и среди них таких крупных, как Троице-Сергиев и Чудов. Но Ипатьевский и Бого-явленский монастыри вместе с патриаршим домом сумели сохранить рядом с Костромой свои слободы. Их успех в борьбе с посадом был обусловлен особым покровительством, оказываемым Романовыми Ипатьевскому монастырю, двойственной позицией правительства по отношению к патриаршим владениям, а также особым географическим расположением слобод, отделенных от посада двумя реками. Значительно сократилось число дворов на белой церковной земле. Известные потери понесли светские вотчинники и помещики.

В ходе проведения реформы в Костроме классовая борьба посадских людей и феодалов продолжалась, но она приняла иные, чем в 1648 г., формы. Принятие Соборного Уложения дало посадку возможность опираться в своих требованиях на закон. Однако политика правительства, отражавшая интересы господствующего класса, в ряде случаев шла навстречу его наиболее видным представителям, отступала от принятых решений и Соборного Уложения.

В результате посадской реформы белое землевладение на Костроме было ограничено, но не уничтожено совсем. По переписной книге 1678 г. в руках беломестцев было сосредоточено 6,6% дворов на посаде<sup>31</sup>. Белое землевладение на Костроме, несмотря на упорную борьбу посада с беломестцами во время посадского строения 1649 г. и частичные успехи, одержанные черными людьми, сохранилось и существовало до своего уничтожения в XVIII в.

<sup>31</sup> Там же, кн. 10984, л. 5 об. — 47 об.